

Михаил Вилонов. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Михаил Вилонов. Максим Горький

Один из хороших советских поэтов, Дмитрий Семёновский, в стихотворении своём "Слава злобе", напечатанном, если не ошибаюсь, в одном из номеров "Прожектора" за прошлый год, сказал:

Мне тяжело, когда, подобя

Людей зверям, слепая кровь

Темнит их взор. Но – слава злобе,

Воинствующей за любовь!

Если бы это четверостишие говорило не о злобе, а о более глубоком и творческом чувстве, чем она, – о ненависти, – я мог бы взять его эпиграфом к моему воспоминанию о Михаиле Вилонове. Был такой Человек; думаю, что те из товарищей, которые встречались с ним, чётко помнят его.

Он был создан природой крепко, надолго, для великой работы. Монументальная, стройная фигура его была почти классически красива.

– Какой красивый человек! – восхищались каприйские рыбаки, когда Вилонов, голый, грелся на солнце, на берегу моря.

Правильно круглый череп покрыт тёмным бархатом густых, коротко остриженных волос, смуглое лицо хорошо освещено большими глазами, белки синеваты, зрачки – цвета спелой вишни; взгляд этих глаз сначала показался мне угрюм и недоверчив. Лицо его нельзя было назвать красивым: черты слишком крупны и резки, но, увидав такое лицо однажды, не забываешь никогда. На бритых щеках зловеще горел матовый румянец туберкулеза.

Вилонов был рабочий, большевик; несколько раз сидел в тюрьме; после 1906 года тюремщики, где-то на Урале, избивали его и, бросив в карцер, облили нагого, израненного, круто посоленной водой. Восемь дней он купался в рассоле, валяясь на грязном, холодном асфальте; этим и было разрушено его могучее здоровье.

И в первые дни знакомства он вызвал у меня впечатление мрачного, угнетённого болезнью, очень самолюбивого, зачитавшегося книг не по силе его уму и подавленного книжностью. Мне рассказывали легенды о его партийной работе в пятом-шестом годах, о его бесстрашии, нечеловеческой выносливости, и я подумал, что человеку этому естественно было устать и что живёт он по инерции, автоматически, как многие жили в ту пору.

Ошибиться было легко: я так много видел людей нервно истерзанных, озлобленных до бешенства, до отчаяния, почти до безумия, – побеждённых и смертельно уставших людей. Были и такие побеждённые, которые, казалось, завидуют "торжеству победителей", гораздо сильнее, чем ненавидят их. Люди этого типа, помня поговорку "победителей не судят", с явным и злым пристрастием несчастливых игроков судили своих товарищей, тоже побеждённых, но оказавшихся неспособными сложить оружие.

Вилонов на первых же выступлениях своих по организации преподавания в Каприйской школе обнаружил удивительную страстность, прямоту мысли и непоколебимую уверенность в правильности отрицательного отношения Владимира Ильича к школе. Говорил он глуховатым голосом человека с больными лёгкими, иногда вскрикивая несколько истерически, но я заметил, что он кричит книжные слова лишь тогда, когда у него не хватает своих.

Меня, привыкшего слышать личные выпады и едкие колкости нервозных людей, Вилонов очень радостно удивил сочетанием в нём пламенной страстности с совершенным беззлобием.

– Ну, а чего же злиться? – спросил он меня в ответ на моё замечание. Это уж пусть либералы злятся, меньшевики, журналисты и вообще разные торговцы старой

рухлядью.

Помолчал и довольно сурово прибавил:

- Революционный пролетариат должен жить не злостью, а - ненавистью.

Затем, хлопая ладонью по колену своему, сказал с явным недоумением:

- Тут, у вас, какая-то чортова путаница: идея воспитания профессиональных революционеров - идея Ленина, а его - нет здесь! Против этой идеи могут спорить только шляпы и сапоги, а ведь тут...

Не договорив, он ушёл.

Разговориться с ним трудно мне было, первые дни он не очень ладил со мной, смотрел на меня недоверчиво, как на некое пятно неопределённых очертаний. Но как-то само собою случилось, что однажды, кончив занятия в школе, он остался обедать у меня, а после обеда, сидя на террасе, заговорил с добродушной суровостью:

- Пишете вы - не плохо, читать вас я люблю, а - не совсем понимаю. Зачем это возитесь вы с каким-то человеком, пишете его с большой буквы даже? Я эту штуку "Человек" в тюрьме читал, досадно было. Человек с большой буквы, а тут - тюрьма, жандармы, партийная склока! Человека-то нет ещё. Да и быть не может - разве вы не видите?

Когда я сказал ему, что для меня вот он, Вилонов, уже Человек с большой буквы, он, нахмурясь, отмахнулся рукой и протянул:

- Ну-у, что там? Таких, как я, - сотни, мы - чернорабочий народ в революции, у нас ещё не всё... в порядке. А отдельные фигуры, вроде Ленина, Бебеля, - не опора для вашего оптимизма. Нет, не опора.

Он отрицательно покачал бархатной головой, закрыл глаза и потише, отрывисто произнёс:

- Мастеров, практиков, художников революции, как Ленин, Бебель, да ещё двое, трое... и - всё тут! А человека - нет ещё. Нельзя быть человеком. И жить ему негде, не на чём. Почвы нет. Он явится тогда, когда Ленин и вообще мы - расчистим ему место. Да.

Встал и начал шагать по террасе, возбуждённо жестикулируя. Оказалось, что он весьма склонен философствовать о будущем, и я бы сказал, что у него было развито чувство осязания будущего. Он видел, нащупывал, - хотя бы сквозь туман, сквозь темноту, - какие-то своеобразные формы общественности, каких-то особенно оригинальных людей. Помню, я не очень понимал его, да, кажется, и не очень внимательно слушал: меня в нём интересовало не это. Но я понимал, что его представления независимы от социалистов-утопистов и что он видит в будущем человечество сильных, человечество героев, развившееся до степеней космической силы. Впоследствии я не один раз наблюдал романтизм революционеров-рабочих, - романтизм, который как будто конфузит их и о котором они разрешают себе говорить лишь в минуты исключительные.

Меня особенно заинтересовали его слова о злости и ненависти, он часто, в разных формах, повторял эти слова, и чувствовалось, что за ними скрыта основная тема, вокруг которой вьются все мысли этого большого человека, молодого, сильного, но уже осуждённого на смерть идиотами и скотами.

Я чувствовал, что Вилонов - человек как-то своеобразно ненавидящий. Ненависть была как бы его органическим свойством, он насквозь пропитан ею, с нею родился, это чувство дышало в каждом его слове. Совершенно лишённая признаков "словесности", театральности, фанатизма, она была удивительно дальнозоркой, острой и тоже совершенно лишена мотивов личной обиды, личной мести. Меня удивила именно чистота этого чувства, его спокойствие, завершённость, полное отсутствие в нём мотивов, посторонних общей идее, вдохновлявшей ненависть. А удивило это меня потому, что после пятого-шестого годов я увидел очень много революционеров, которые были таковыми Христа ради, из авантюризма, по "увлечениям молодости", по мести за карьеру, испорченную случайным арестом, из романтизма, даже из страха

Михаил Вилонов. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
пред революцией и ещё по многим мотивам, весьма личным, очень далёким от идеи революционного социализма, видел, наконец, и революционеров, бывших таковыми "скуки ради".

Вилонов, человек безукоризненно правдивый в своём отношении к людям, прямодушный до резкости, говорил:

- Вы, может, думаете, что побои имели какое-то значение для меня? Никакого. Здоровья, конечно, жаль. Но не могу же я винить палку за то, что меня ударили ею. Меня били не один раз. И ведь всё равно, кто бьёт: отец, мать или чужие. Бить человека - это в порядке жизни. Да и - что мне побои? Вот я какой!

Забыв о своём туберкулёзе, он медленно поднял руку на уровень головы и опустил её до колена, указывая на своё стройное тело.

- Когда тюремщики топтали меня ногами, я, конечно, чувствовал и боль и обиду, но, право же, гораздо больше - страх: что, если б на моём месте оказался другой товарищ, не такой крепкий, как я?

И, покашливая, задыхаясь, он продолжал потише, нахмутив густые брови:

- Ведь они всякого могут растоптать, попади им в злую минуту Ленин, они и его... Вот где ужас! Главное-то и непростительное преступление классового общества в том, что оно воспитало в людях страсть к мучительству, какое-то бешенство. С наслаждением мучают, сукины дети, это я очень знаю! Вот наслаждение-то и есть преступность, которую уж никак, никто не оправдает. В природе такой гадости - нет! Кошка мышью играет, так она, кошка, - зверь и никаких подлостей лицемерных, вроде гуманизма, не выдумала.

Он долго говорил на эту тему, рассказывал об истязаниях в Орловском центре, о страшных драмах на Амурской колёсной дороге и заставил меня почувствовать, что ему знаком лишь один страх - страх за жизнь товарища.

А к себе он относился так, как будто не понимал, насколько опасно болен, хотя однажды сказал очень спокойно:

- Ну, меня ненадолго хватит.

В праздничный день школа поехала осматривать Неаполитанский музей, Вилонов остался, пришёл ко мне и сердито попросил:

- Дайте почитать что-нибудь лёгкое. Плохо чувствую себя, душит, и голова чугунная.

Взял "Простое сердце" Флобера и ушёл читать в сад.

Дул горячий, раздражающий нервы ветер из Африки - сирокко. Над морем опаловое небо, как бы пропылённое знойной пылью; море цвета снятого молока и кипит, рычит, бухая в камень острова высокой волной. Яростно трещали цикады, сухо шумел жёсткий лист олив, - в такие дни юг Италии особенно богат различными драмами.

Вечером я сидел на берегу, в серых, горячих камнях; за островом Искией опускалось солнце, окрасив море в неестественный, лиловатый цвет. Волна била в камни, брызги её сверкали радужно. Медленно, тяжёлыми шагами подошёл Вилонов, сел рядом со мной, положил на колени мне книгу.

- Прочитали?

- Ну да.

- Понравилось?

Он снял шляпу с бархатной своей головы, тщательно укрепил её в трещине камня, чтобы ветром не сдуло. Покашлял, вытер пот с лица и спросил:

- Ведь если я скажу: хорошо, а - не нравится, так вы мне не поверите?

Я ответил, что не очень тороплюсь верить, но хотел бы понять, а он согнулся,

Михаил Вилонов. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
зачерпнул ковшом широкой ладони треть мелкой гальки и долго молчал, бросая отшлифованные камешки в брызги воды. Потом ворчливо заговорил:

- Не люблю жалостной литературы! В каких людях она рассчитывает пробудить жалость и прочие добрые чувства? Он "чувства добрые лирой пробуждал", а его застрелили. Командующие классы властвуют посредством насилия, - на кой чорт нужны им добрые чувства? Что же - это мы, что ли, должны заразиться жалостью к несчастным и всяким униженным? Слезой грязи не смоешь. Тем более не смоешь крови. А задача - смыть с людей кровь и грязь.

Взяв книгу из моих рук, он поднял её, как бы показывая её кому-то вдаль, в пустоте.

- Это - хорошо! Как он мог написать глупую кухарку столь... убедительно? Даже странно, как будто видишь её. Интересный фокус.

Пересыпая гальку с ладони на ладонь, он продолжал задумчиво и тихо:

- Как-то... обидно видеть, что книги лучше людей, а ведь это верно: лучше! Как можно, будучи явным буржуем, написать "Углекопов", "Разгром" или "Девяносто третий год"? Непонятно.

Бросил камешком в книгу на колене моём и спросил:

- Знаете, что тут хорошо? Ненависть автора, правда ненависти. Вот так и надо: спокойно, решительно, без оглядки! Когда говорят или пишут о святой, великой и ещё какой-то там правде, я понимаю это только как правду ненависти. Никакой другой правды не может быть. Всякая другая - ложь. Вот Ленин это понимает.

Помолчав, он прибавил:

- Пожалуй, он один и понимает.

Вилонов бросил гальку, встал, встряхнулся:

- Уйдёте отсюда, тут - оглохнешь, да и сыро.

Дор'огой, медленно шагая в гору, спросил:

- А что, есть какая-нибудь формула ненависти?

- Не знаю.

- Я где-то прочитал, что чувство ненависти стремится в корне уничтожить не только всё, что её возбуждает, но даже и самую мысль о возможности существования таких возбудителей. Там как-то мудрёно было сказано...

Он задышался, но, когда я сказал, что вредно ему говорить поднимаясь в гору, он не обратил внимания на мои слова, продолжая:

- Классовая ненависть - самая могучая творческая сила. Читали вы "Государство будущего"? По-моему, Бебель в этой книжке недалеко смотрит. Это - ремонт, а не новая постройка.

И, остановясь, сказал с усмешкой:

- Надо отдохнуть. Эдакий идиотский ветер!

В другой раз он засиделся со мною до поздней ночи; весь день ожесточённо спорил, возбуждение его разрешилось кровохарканием, и он был несколько угнетён этим. Сидели мы на маленьком дворике, залитом цементом, на каменных ступенях лестницы в сад, разбитый по горе, среди скал.

Вилонов снова говорил на свою тему о единой правде - правде ненависти, но говорил как будто не для меня, а для того, чтоб ещё раз послушать свои мысли. Потом надолго задумался, замолчал, отмахиваясь от комаров веткой акации, и, наконец, предложил:

- Вот я расскажу вам одну историю, может быть, пригодится, напишете когда-нибудь.

Пересел ступени на две выше меня, прислонился плечом к стене и рассказал:

- Где-то на Урале, - помнится, на Сергино-Уфалейских заводах, - была семья рабочих: отец-старовер, два сына и две дочери, одна - замужем за конторщиком - жила с отцом, другая отбилась от семьи и работала в заводской школе помощницей учительницы. Она ввела старшего брата в кружок рабочих, а старший скоро потянул за собой и младшего. Через некоторое время среди рабочих появились листки, затем последовал обыск в школе; отец доглядел, что старший сын прячет что-то в бане, на чердаке; нашёл спрятанное, прочитал, позвал сына. "Ты - что? Против царя?" Тот ответил честно. "Ну, сказал отец, - я тебе приказываю: брось это!" - "А если не брошу?" - "А если не бросишь, так я вот эти бумаги сам начальству объявлю, понял? И сестре скажи, чтобы не смела пакостничать, голову оторву ей!" Сын был тоже неподатлив характером, угроза отца не испугала его. Сестру ненадолго арестовали, а выпустив, запретили ей учительствовать и отдали, конечно, под надзор полиции, принудив её жить в доме отца. Отец, старшая сестра, зять стали всячески травить её, дважды жестоко избили, братья вступились за неё, и в доме началась жизнь ада. В январе, накануне своих именин, дочь - её звали Татьяна - внезапно умерла. Старик отказался похоронить её в одной ограде с матерью, заявив: "Я не знаю, отчего она сдохла, может, сама на себя руки наложила". Братья были уверены, что старшая сестра, с благословения отца, отравила Татьяну, но доказательств этому не было, да братья и не решались искать их. Отец очень приблизил к себе старшую сестру и зятя, братьев всячески стесняли, следили за каждым их шагом. Старший, не стерпев, ушёл из дому, а младший был ещё несовершеннолетен и хотя вспыльчив, но характером нетвёрд. Отец и зять в несколько месяцев забили его до идиотизма и немоты, - во время побоев парень перекусил себе язык, рана заросла плохо, и парень стал говорить так, что его уже трудно было понимать. А старший брат начал пьянствовать, буяннить, с завода его рассчитали, он ушёл куда-то и пропал без вести.

Как сейчас - пред собою вижу маленький дворик виллы Спинола, с пальмой посредине его; беспощадно ярко светит луна, придавая цементу двора блеск оксидированного серебра; шумят, качаются деревья в саду над головами нашими. Тёмносерая стена поросла мхами, покрыта вьющимися розами, к ней прижался большой круглоголовый человек с суровым, спокойным лицом. Он - в синей сатиновой рубашке, и сатин светится, как шёлк.

Рассказывал Вилонов бесстрастно, без лишних слов, покашливал и отирал рот платком, оставляя на нём тёмные пятна крови.

- Вот как отстаивают они себя, своё, - сказал он, вздохнув со свистом, обрывая с ветки акации её мелкий лист, подбрасывая его на ветер. - Я, конечно, старика понимаю, что ж? Дед, отец его всю жизнь работали, сам он лет сорок работал, дом хороший, в два этажа, садишко, огород, две коровы, свиньи и вообще - хозяйство, будь оно проклято! По брёвнышку, по кирпичику, по копейке создавалось, да! И, кроме его, никакой иной правды человек не знает, да и узнал бы, так не принял её. А дети, сразу трое, пошли против этой правды, грозят разрушить её, говорят о какой-то отдалённой, неведомой, непонятной. Ну, конечно, злые враги, и щадить их - нечего. Да, я старичка понимаю! Но, будь я на месте старшего брата, я бы за сестрёнку да за младшего горячо заплатил отцу. Тоже - не пощадил бы!

Вилонов крепко постучал кулаком по колену.

- Много я, товарищ, таких историй знаю и слышал. Ну, не таких уж... страшеньких, поскромнее, а суть-то - одна! Может быть, скромные-то истории ещё злее по скрытым чувствам, по ядовитым думам в бессонные ночи. Иной раз даже как будто жалко людей: до какого озлобления доведены, и - ведь чем? Только жадностью к делу рук своих да к меновому знаку - копейке. А тут вы, писатели, подсказываете: жалеи! Задумаешься над книгой: а может, не доглядел чего-то, не понял, не дочувствовал? Потом - встряхнёшься: нет, одна только правда есть - правда ненависти к старому миру. Одна.

Он тяжело встал, опираясь рукою в камень стены.

- Спать пора. Пойду.

Михаил Вилонов. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
И, пожимая широкой ладонью руку мою, сказал мне простодушный, хороший комплимент:

- Слушаете вы хорошо. И спрашиваете тоже хорошо.

Ушёл, сопровождаемый своей тенью, очень тёмной и густой в эту светлую ночь.

Его разногласия с организаторами школы всё обострялись, и через несколько дней он и ещё, кажется, двое товарищей, - из которых один был агент полиции, - уехали в Париж к Владимиру Ильичу.

Из этой поездки Вилонов возвратился на Капри уже почти совсем без сил, но ещё более твёрдым ленинцем. Его пришлось отправить в Давос, где он вскоре и умер.

Долго, как видите, берёт я память о нём, всё хотелось написать как-то особенно хорошо. Но очень трудно писать о людях такого типа, да и не привыкло перо русского литератора изображать настоящих героев.

Но вот к пятидесятилетию работы "Правды" я счёл за лучшее всяких поздравлений рассказать её неутомимым работником о Человеке, который, на мой взгляд, так хорошо понимал и чувствовал правду ненависти. 1932 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано в газете "Правда", 1927, номер 99, 5 мая, в номере, посвящённом 15-й годовщине со дня основания "Правды".

Вилонов Николай Ефремович (1885-1910; партийные клички: Михаил, Миша Заводской, Михаил Заводской) - один из выдающихся революционеров, член РСДРП с 1902 года, большевик, сын столяра.

Вилонов создал комитет РСДРП в Казани и ряд подпольных типографий в городах Поволжья и Урала. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам.

В 1905 году, после освобождения из тюрьмы, Вилонов организовал боевые дружины в Самаре, Уфе и Екатеринбурге, был председателем самарского совета рабочих депутатов. В 1906 году, после ареста и побега из тюрьмы, вошёл в состав Московского Комитета большевиков. В 1908 году, по решению партии, уехал за границу.

Вилонов - один из инициаторов и организаторов партийной школы на Капри (для этой цели он специально объездил ряд районов России и набрал слушателей из числа рабочих). Когда выяснилось, что большинство организаторов школы ("отзовисты" Богданов, Луначарский и другие) встало на путь борьбы с большевиками, Вилонов порвал с ними и с группой товарищей уехал в Париж, к В.И.Ленину.

16 ноября 1909 года В.И.Ленин, под впечатлением беседы с Вилоновым, писал М.Горькому:

"Дорогой Алексей Максимович! Я был всё время в полном убеждении, что Вы и тов.Михаил - самые твёрдые фракционеры новой фракции, с которыми было бы нелепо мне пытаться поговорить по-дружески. Сегодня увидел в первый раз т.Михаила, калякал с ним по душам и о делах и о Вас и увидел, что ошибался жестоко. Прав был философ Гегель, ей-богу: жизнь идёт вперёд противоречиями, и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется. Я рассматривал школу т о л ь к о как центр новой фракции. Оказалось, это неверно - не в том смысле, чтобы она не была центром новой фракции (школа была этим центром и состоит таковым сейчас), а в том смысле, что это неполно, что это не вся правда. Субъективно некие люди делали из школы такой центр, объективно была она им, а кроме того школа черпнула из настоящей рабочей жизни настоящих рабочих передовиков. Вышло так, что кроме противоречия старой и новой фракции на Капри развернулось противоречие между частью с.-д. интеллигенции и рабочими-русаками, которые вывезут социал-демократию на верный путь в о ч т о б ы т о н и с т а л о и что бы ни произошло, вывезут вопреки всем заграничным склокам и сварам, "историям" и пр. и т.п. Такие люди, как Михаил, тому порукой. А ещё оказалось, что в школе развернулось противоречие между элементами каприйской с.-д. интеллигенции.

Михаил Вилонов. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Из слов Михаила я вижу, дорогой А.М., что Вам теперь очень тяжело. Рабочее движение и социал-демократию пришлось Вам сразу увидеть с такой стороны, в таких проявлениях, в таких формах, которые не раз уже в истории России и Западной Европы приводили интеллигентских малозверов к отчаянию в рабочем движении и в социал-демократии. Я уверен, что с Вами этого не случится, и после разговора с Михаилом мне хочется крепко пожать Вашу руку. Своим талантом художника Вы принесли рабочему движению России – да и не одной России – такую громадную пользу, Вы принесёте ещё столько пользы, что ни в каком случае непозволительно для Вас давать себя во власть тяжёлым настроениям, вызванным эпизодами заграничной борьбы. Бывают условия, когда жизнь рабочего движения порождает неминуемо эту заграничную борьбу и расколы и свару и драку кружков, – это не потому, чтобы рабочее движение было внутренне слабо или социал-демократия внутренне ошибочна, а потому, что слишком разнородны и разнокалиберны те элементы, из которых приходится рабочему классу выковырять себе свою партию. Выкует во всяком случае, выкует превосходную революционную социал-демократию в России, выкует скорее, чем кажется иногда с точки зрения треклятого эмигрантского положения, выкует вернее, чем представляется, если судить по некоторым внешним проявлениям и отдельным эпизодам. Такие люди, как Михаил, тому порукой" (В.И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 34, стр. 353-354).

Умер Н.Е. Вилонов в апреле 1910 года в Давосе (Швейцария) от туберкулёза лёгких.

Очерк "Михаил Вилонов" в собрания сочинений не включался.

В 1932 году, подготавливая текст очерка для своей книги "Рассказы о героях" (ГИХЛ, М.-Л. 1932), М. Горький заново отредактировал его.

Печатается по тексту, отредактированному автором для книги "Рассказы о героях" (Архив А.М. Горького).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!